

Виктория Токарева

Антон, надень ботинки!

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

Антон, надень ботинки! (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Антон, надень ботинки! (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 1995

ISBN 978-5-389-10745-8

«Лена и Елисеев прошли мимо. Обернулись. Снова подбежала девушка, тянула пальцы к его лицу. Он стоял босой, ослепший от протеста. Они не могли помириться, потому что были молоды. Они хотели развернуть жизнь в свою сторону, а она не разворачивалась. Торчала углами. Тогда Антон бросает вызов: если жизнь с ним не считается, то и он не будет считаться с ней. И – босиком по снегу. Кто кого». В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-10745-8

© Токарева В. С., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Лавина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктория Токарева

Антон, надень ботинки! (сборник)

© Токарева В. С., 1995

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лавина

повесть

Пианист Месяцев Игорь Николаевич сидел в самолете и смотрел в окошко. Он возвращался с гастролей по Германии, которые заняли у него весь ноябрь.

Месяцев боялся летать. Каждый раз, когда слышал об авиакатастрофе или видел на телевизионном экране рухнувший самолет, он цепенел и неестественно сосредотачивался. Знакомый психоаналитик сказал, что это нормально. Инстинкт самосохранения. Только у больных людей этот инстинкт нарушен, и они стремятся к самоликвидации. Смерть их манит. Здоровый человек хочет жить и боится смерти.

Месяцев хотел жить. Хотел работать. Для него это – одно.

До восьмидесят четвертого года, до перестройки, приходилось ездить с гастроллями в медвежьих углах, по огородам, играть на расстроенных роялях в клубах, где сидели девки с солдатами, дремали пьяные бомжи. Сейчас Месяцев играл на лучших роялях мира. И в лучших залах. Но кому бы он ни играл – бомжам или немцам, – он неизменно играл для себя. И это спасало.

Немецкие города были аккуратные, маленькие, как декорации к сказкам братьев Гримм.

Принимали хорошо, кормили изысканно. Однажды на приеме у бургомистра Месяцев ел нечто и не мог понять, что именно. Спросил у переводчицы Петры:

- Чье это мясо?
- Это такой американский мужчина, который весной делает р-р-ру-у...
- Тетерев, – догадался Игорь.
- Вот-вот... – согласилась переводчица.
- Не мужчина, а птица, – поправил Месяцев.
- Но вы же поняли...

Петра мило улыбнулась. Она была маленькая и тощенькая, как рыбка килька. И такие же, как у рыбки, большие, чуть-чуть подвыпученные глаза. Игорь не влюбился. А она ждала. Он видел, что она ждет. Но не влюбился. Он вообще не влюблялся в женщин. Он любил свою семью.

Семья – жена. Он мог работать в ее присутствии. Не мешала. Не ощущалась, как не ощущается свежий воздух. Дышишь, и все.

Дочь. Он любил по утрам пить с ней кофе. Она сидела, закинув ногу за ногу, с сигаретой, красивая с самого утра. Сигарета длинная, ноги длинные, волосы длинные, и нежная привязанность, идущая из глубины жизни. Зачем какие-то любовницы – чужие и случайные, когда так хорошо и прочно в доме?

Сын Алик – это особая тема. Главная болевая точка. Они яростно любили друг друга и яростно мучили. Все душевные силы, оставшиеся от музыки, уходили на сына.

Месяцев смотрел в окошко самолета. Внизу облака, а сквозь них просматривается бок земли. Говорят, если самолет раскалывается в воздухе, люди высыпаются в минус пятьдесят градусов и воздушные потоки срывают с них одежду, они летят голые, окоченевшие и мертвые скорее всего. Но зачем об этом думать?... Знакомый психиатр советовал переключаться. Думать о чем-то приятном.

О жене например. Они знали друг друга с тринадцати лет. С седьмого класса музыкальной школы. Первый раз поцеловались в четырнадцать. А в восемнадцать поженились и родили девочку Аню. Но настоящей его женой была музыка. Игорь Месяцев в ней растворялся, он ее совершенствовал, он ей ПРИНАДЛЕЖАЛ. А жена принадлежала семье.

После окончания консерватории жена пошла преподавать. Имела частные уроки, чтобы заработать. Чтобы Месяцев мог ни о чем не думать, а только растворяться и расти. Рос он долго, может быть, лет пятнадцать или даже восемнадцать. А есть надо было каждый день.

Жена не жаловалась. Наоборот. Она выражала себя через самоотречение. Любовь к близким – вот ее талант. После близких шли дальние – ученики. После учеников – все остальное. Она любила людей.

Внешне жена менялась мало. Она всегда была невысокая, плотненькая, он шутя называл ее «играющая табуретка». Она и сейчас была табуретка – с гладким, миловидным лицом, сохранившим наивное выражение детства. Этаким переросший ребенок.

Игорь Месяцев не задумывался о своем отношении к жене. Но, когда уезжал надолго, начинал тосковать, почти болеть. И подарки покупал самые дорогие. В этот раз он купил ей шубу из норки.

В сорок восемь лет жена получила свою первую шубу. Поздно, конечно. Но лучше поздно, чем никогда.

Дочери он вез вечерний туалет. Ее так приятно было украшать. Сыну – все с головы до ног, на все четыре времени года.

Сын рос совершенно иначе, чем дочь. У дочери все складывалось нормально, как в учебнике. Сын – как в кошмарном сне. В детстве постоянно болел, то одним, то другим. Школу ненавидел. Может, виновата совковая школа. А может – сам Алик.

Наконец школа позади. Впереди армия. Армия и Алик – две вещи несовместимые. Армия – машина подчинения. Алик – человек-противостояние. Машина сильнее человека. Все кончится для Алика военным трибуналом. Его посадят в тюрьму. А в тюрьме изнасилуют всем баракom.

Значит, надо положить в больницу, купить диагноз «шизофрения» и получить белый билет. Шизофреники от армии освобождаются. Психически неполноценные не должны иметь в руках оружие.

Жена куда-то ходила, договаривалась.

Дочь выросла практически бескровно. А на сына утекали реки денег, здоровья, километры нервов. А что в итоге? Ничего. Сам сын. Красивый и любимый до холода под ложечкой. Это любовь, пропущенная через страдания и обогащенная страданием. Любовь-испытание, как будто тебя протаскивают сквозь колючую проволоку и едва не убивают. Но не убивают.

Вот такие разные: жена с ее возвышенным рабством, дочь – праздник, сын – инквизиторский костер, теща – объективная, как термометр, – все они – маленькие планеты – вращались вокруг него, как вокруг Солнца. Брали свет и тепло.

Он был нужен им. А они – ему. Потому что было кому ДАВАТЬ. Скучно жить только для себя одного. Трагедия одиночества – в невозможности отдачи.

Игорь уезжал с одним чемоданчиком, а возвращался с багажом из пяти мест. В эти чемоданы и коробки был заключен весь гонорар, заработанный за ноябрь, а если точнее – за всю прошлую жизнь. Труд пианиста – сладкая каторга, которая начинается в шесть лет и до бесконечности. Все детство, отрочество, юность и зрелость – это клавиши, пальцы и душа. Так что, если разобраться, на тележке, которую катил перед собой Месяцев, проходя таможенный досмотр, лежали его детство, молодость и зрелость.

Встречали дочь и жених Юра.

Дочь не бросилась на шею. Она была простужена, немножко бледна, шмыгала носиком и сказала в никуда:

– Ко мне папочка приехал...

А когда сели в машину – еще раз, громче, как бы не веря:

– Ко мне папочка приехал...

Месяцев понял, что жених женихом, а отца ей не хватает. Отец заботится и ничего не требует. А жених не заботится и весь в претензиях.

Юра сел за руль. Был мрачноват. Месяцев заметил, что из трехсот шестидесяти дней в году триста – у него плохое настроение. Характер пасмурный. И его красавица дочь постоянно существует в пасмурном климате. Как в Лондоне. Или в Воркуте.

Москва после немецких городов казалась необъятно большой, неудобной, неряшливой. Сплошные «не». Однако везде звучала русская речь, и это оказалось самым важным.

Языковая среда. Без языка человек теряет восемьдесят процентов своей индивидуальности. Казалось бы, зачем музыканту речь? У него своя речь – музыка. Но, оказывается, глухим мог работать только Бетховен. Так что зря старалась Петра, лучилась своими золотыми глазами, зря надеялась. Домой-домой, к жене-табуретке, к Москве с ее безобразиями, к своему языку, которого не замечаешь, когда в нем живешь.

Месяцев ожидал, что сын обрадуется, начнет подскакивать на месте. Он именно так выражал свою радость: подскакивал. И жена всплеснет ручками. А потом все выстроится вокруг чемоданов. Замрут, как столбики, и будут смотреть, не отрываясь, в одну точку. И каждый получит свой пакет. И начнутся примерки, гомон, весенний щебет и суета. А он будет стоять над всем этим, как царь зверей.

Однако жена открыла дверь со смущенным лицом. Сын тоже стоял тихонький. А в комнате сидел сосед по лестничной клетке Миша и смотрел растерянно. Месяцев понял: что-то случилось.

– Татьяна умерла, – проговорила жена.

– Я только что вошел к ней за сигаретами, а она сидит на стуле мертвая, – сказал Миша.

Татьяна – соседка по лестничной клетке. Они вместе въехали в этот дом двадцать лет назад. И все двадцать лет соседствовали. Месяцев сообразил: когда они с багажом загружались в лифт, в этот момент Миша вошел к Татьяне за сигаретами и увидел ее мертвой. И, ушибленный этим зрелищем, кинулся к ближайшим соседям сообщить. Радоваться и обниматься на этом фоне было некорректно. И надо же было появиться Мише именно в эту минуту...

– Да... – проговорил Месяцев.

– Как ужасно, – отозвалась дочь.

– А как это случилось? – удивился Юра.

– Пила, – сдержанно объяснил Миша. – У нее запой продолжался месяц.

– Сердце не выдержало, – вздохнула жена. – Я ей говорила...

Татьяне было сорок лет. Начала пить в двадцать. Казалось, она заложила в свой компьютер программу: самоликвидация. И выполнила эту программу. И сейчас сидела за стеной мертвая, с серым спокойным лицом.

– Надо ее матери позвонить, – сказал Миша, поднимаясь.

– Только не от нас, – испугался Алик.

– Ужас... – выдохнула жена.

Миша ушел. За ним закрыли дверь и почему-то открыли окна. Настроение было испорчено, но чемоданы высились посреди прихожей и звали к жизни. Не просто к жизни, а к ее празднику.

Все в молчании выстроились в прихожей. Месяцев стал открывать чемоданы и вытаскивать красивые пакеты.

Жена при виде шубы остолбенела, и было так мило видеть ее шок счастья. Месяцев накинул ей на плечи драгоценные меха. Широкая длинная шуба не соответствовала росту. Жена была похожа на генерала Гражданской войны в бурке.

Дочь скинула джинсы, влезла в маленькое платьице с голой спиной и стала крутиться перед зеркалом. Для того чтобы увидеть со спины, она стала боком и изогнулась вокруг себя так ловко и грациозно, что Месяцев озадачился: как они с женой со своими скромными внеш-

ними возможностями запустили в мир такую красоту? Это не меньше, чем исполнительская деятельность.

Постепенно отвлеклись от соседки Татьяны. Переключились на свое. На радость встречи. Папочка приехал...

Жена накрыла на стол. Месяцев достал клубничный торт, купленный в аэропорту в последние минуты. Резали большими ломтями, чтобы каждому досталось много. Это входило в традиции семьи: когда вкусно, надо, чтобы было много.

Чужое горе, как это ни жестоко, оттеняло их благополучие.

И вдруг раздался вой. Значит, пришла мать Татьяны, которой позвонил Миша. Кухня размещалась далеко от лестничной клетки, но вой проникал через все стены. Он был похож на звериный, и становилось очевидно, что человек – тоже зверь.

Семья перестала жевать. У жены на глазах выступили слезы.

– Может быть, к ней зайти? – спросила дочь.

– Я боюсь, – отозвался Юра.

– А чем мы можем помочь? – спросил Алик.

Все остались на месте.

Чай остыл. Пришлось ставить новый.

Вой тем временем прекратился. Должно быть, мать увели.

– Ну, я пойду, – сказал Юра.

Его неприятно сковывала близость покойника.

– Я тоже пойду, – поднялся сын.

У него за стенами дома текла какая-то своя жизнь.

Дочь пошла проводить жениха до машины. И застряла.

Месяцев принял душ и прилег отдохнуть. И неожиданно заснул.

А когда открыл глаза – было пять утра. За окном серая мгла. В Германии это было бы три часа. Месяцев стал ждать, когда уснет снова, но не получалось.

Совсем некстати вспомнил, как однажды, двадцать лет назад, он вошел в лифт вместе с Татьяной. На ней была короткая юбка, открывающая ноги полностью: от стоп в туфельках до того места, где две ноги, как две реки, сливаются в устье. Жена никогда не носила таких юбок. У нее не было таких ног.

Месяцева окатило странное желание: ему захотелось положить руки Татьяне на горло и войти в ее устье. Ему хотелось насиловать и душить одновременно, и чтобы его оргазм совпал с ее смертной агонией. Они вместе содрогнулись бы в общем адском содрогании. Потом он разжал бы руки, и она упала бы за смертью. А он бы вышел из лифта как ни в чем не бывало.

Они вышли из лифта вместе. Месяцев направился в одну сторону, Татьяна – в другую. Но недавнее наваждение заставило его остановиться и вытереть холодный пот со лба.

Месяцев испугался и в тот же день отправился к психиатру.

– Это ничего страшного, – сказал лысый психиатр. – Такое состояние называется «хульные мысли». От слова «хула». Они посещают каждого человека. Особенно сдержанного. Особенно тех, кто себя сексуально ограничивает. Держит в руках. Хульные мысли – своего рода разрядка. Человек в воображении прокручивает то, чего не может позволить себе в жизни...

Месяцев успокоился. И забыл. Татьяну он встречал время от времени – и в лифте, и во дворе. Она очень скоро стала спиваться, теряла товарный вид и уже в тридцать выглядела на пятьдесят. Организм злопамятен. Ничего не прощает.

Сейчас, проснувшись среди ночи, Месяцев вспомнил ее ноги и подумал: по каким тропам идет сейчас Татьяна и что она видит вокруг себя – какие видения и ландшафты? И может быть, то, что она видит, – гораздо существеннее и прекраснее того, что видит он вокруг себя...

Утром Месяцев тяжело молчал.

– Тебе надо подумать о новой программе, – подсказала жена.

Месяцев посмотрел на жену. Она не любила переодеваться по утрам и по полдня ходила в ночной рубашке.

– Еще одна программа. Потом еще одна. А жить?

– Это и есть жизнь, – удивилась жена. – Птица летает, рыба плавает, а ты играешь.

– Птица летает и ловит мошек. Рыба плавает и ищет корм. А я играю, как на вокзале, и мне кладут в шапку.

Было такое время в жизни Месяцева. Сорок лет назад. Отец-алкоголик брал его на вокзал, надевал лямки аккордеона и заставлял играть. Аккордеон был ему от подбородка до колен – перламутровый, вывезенный из Германии, военный трофей. Восьмилетний Игорь играл. А в шапку бросали деньги...

– Ты просто устал, – догадалась жена. – Тебе надо отдохнуть. Сделать перерыв.

– Как отдохнуть? Сесть и ничего не делать?

– Поменяй обстановку. Поезжай на юг. Будешь плавать в любую погоду.

– Там война, – напомнил Месяцев.

– В Дом композиторов.

– Там композиторы.

– Ну, под Москву куда-нибудь. В санаторий.

Ему было все равно. Его как будто накрыло одеялом равнодушия. Видимо, соседка Татьяна второй раз включила его в нетрадиционное состояние. Первый раз – своим цветением, а второй раз – своей гибелью. Хотя при чем здесь Татьяна... Просто он бежит, бежит как белка в колесе. Играет, играет, перебирает звуки. А колесо все вертится, вертится.

А зачем? Чтобы купить жене шубу, которая на ней как на корове седло.

Через неделю Месяцев жил в санатории.

Санаторный врач назначил бассейн, массаж и кислородные коктейли.

Месяцев погружался в воду, пахнущую хлоркой, и говорил себе: «Я сильный и молодой. Я вас всех к ногтю!» Кого всех? На этот вопрос он бы не мог ответить. У Месяцева не было врагов. Его единственные враги – лишний вес и возраст. Лишние десять лет и десять килограммов. Сейчас ему сорок восемь. А тридцать восемь – лучше. Сын был маленький и говорил, куда уходит. Дочь была маленькая, и ее не обнимал чужой сумрачный Юра. Он сам был бы молодой и меньше уставал. А жена... Месяцев не видел разницы. Жена как-то не менялась. Табуретка – устойчивая конструкция.

Месяцев врезался в воду и плыл стилем, сильно выкидывая из воды гладкое круглое тело. Он делал три заплыва – туда и назад. Потом вставал под горячий душ, испытывая мышечную радость, которая не меньше, чем радость душевная, чем радость от прекрасных созвучий. Однако зачем сравнивать: что лучше, что хуже? Должно быть то и другое. Гармония. Он загнал, запустил свое тело сидячим образом жизни, нагрузкой на позвоночник, отсутствием спорта. И в сорок восемь лет – тюфяк тюфяком. Вот Билл Клинтон – занят не меньше. А находит время для диет и для спорта.

Массажист нажимал на позвонки, они отзывались болью, как бы жаловались. Массажист – сильный мужик, свивал Месяцева в узел, дергал, выкручивал голову. Было страшно и больно. Зато потом тело наливалось легкостью и позвоночник тянул вверх, в небо. Хорошо! «Какой же я был дурак!» – говорил себе Месяцев, имея в виду свое фанатичное пребывание за роялем, будто его приговорили высшим судом.

Но прошли две недели, и Месяцев стал коситься в сторону черного рояля, стоящего в актовом зале.

А когда однажды подошел и поднял крышку, у него задрожали руки... Конечно, птица летает, ищет корм.

Но птица и поет. А без этого она не птица, а летучая мышь.

Телефон-автомат располагался под лестничным маршем. Была поставлена специальная кабина со стеклянной дверью, чтобы изолировать звук. Обычно собиралась небольшая очередь, человека три-четыре. Но три-четыре человека – это почти час времени. Однако Месяцев запасался жетонами и запасался терпением. Ему необходимо было слышать голос жены. Этот голос как бы подтверждал сложившийся миропорядок, а именно: Земля крутится вокруг своей оси, на Солнце поддерживается нужная температура.

Трубку снял сын.

– Мама на работе, – торопливо сказал сын.

– Ты не один? – догадался Месяцев.

– Мы с Андреем.

Андрей – школьный друг. Из хорошей семьи. Все в порядке.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовался Месяцев.

– Смотрим видак. А что?

По торопливому «а что?» Месяцев догадался, что смотрят они не «Броненосец «Потемкин».

– Новости есть?

– Нет, – сразу ответил сын.

– Ты в больницу ложишься?

– Завтра.

– Что же ты молчал?

– А что тут такого? Лягу, выйду... Андрей лежал, и ничего. Даже интересно.

– Андрею все интересно...

Месяцев расстроился. Запереть мальчика в сумасшедший дом...

Помолчали. Алик ждал. Месяцев чувствовал, что он ему мешает.

– А я соскучился, – вдруг пожаловался отец.

– Ага, – сказал сын. – Пока.

Месяцев положил трубку. Разговаривать было бессмысленно.

Он вдруг вспомнил, как его сын Алик осквернял праздничные столы. Когда стол был накрыт и ждал гостей, Алик входил и поедал украшения, выковыривал цукаты из торта. Он заносил руку и, как журавль, вытаскивал то, что ему нравилось. Дочь, наоборот, подходила и добавляла что-то от себя, ставила цветы. Вот тебе двое детей в одной семье.

«Отдать бы его в армию, – подумал Месяцев, – там бы ему вставили мозги на место. Его мало били. Пусть государство откорректирует...»

Месяцев ощущал смешанное чувство ненависти, беспомощности и боли. И сквозь этот металлолом особенно незащищенно тянулся росток, вернее, ствол его любви. Как будто содрали кожу и ствол голый.

– Кто там? – спросил Андрей.

– Предок...

Алик вернулся к Андрею. Андрей уже приготовил все, что надо. Алик не умел сам себе вколоть. Не мог найти вену.

– Привыкнешь... – пообещал Андрей.

Андрей помог Алику. И себе тоже вколол. Сгиб его руки был весь в точках.

Они откинулись на диван и стали ждать.

– Ну как? – спросил Андрей.

– Потолок побежал, – сказал Алик.

Потолок бежал быстрее, мерцая белизной.

Приближалось нужное состояние.

Поговорив с сыном, Месяцев решил дозвониться жене на работу.

Номер был занят. Жена с кем-то разговаривала. Она любила трепаться по телефону и буквально купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент Горбачев.

Месяцев хотел набрать еще раз, но возле телефона стояла женщина и ждала. Ее лицо буквально переливалось от нетерпения. Месяцев не любил заставлять ждать, причинять собой неудобства. Он вышел из кабины, уступая место, продолжая думать о Горбачеве.

Месяцев испытывал к бывшему президенту теплые чувства, однако, когда в последний раз слушал интервью с ним, его речевое кружение, понял, что время Горбачева ушло безвозвратно. На то, что можно сказать за четыре секунды, бывший президент тратил полчаса. Привычка коммуниста: говорить много и ничего не сказать.

Женщина, которую он пропустил, высунулась из кабины и спросила:

– Вы не дадите мне жетон? В долг. У меня прервалось...

У Месяцева был всего один жетон. Он растерянно посмотрел на женщину. Она ждала, шумно дышала, и казалось: сейчас заплачет. Видимо, прервавшийся разговор имел отношение ко всей ее будущей жизни.

Месяцев протянул жетон.

Оставаться было бессмысленно. Месяцев отошел от автомата. Направился в кинозал.

Перед кинозалом продавали билеты. Деньги принимал довольно интеллигентный мужчина инженерского вида. Видимо, не нашел себя в новых условиях и пошел продавать билеты.

– У вас нет жетонов для автомата? – спросил Месяцев.

– Все забрали, – виновато улыбнулся продавец. – Вот, посмотрите...

Это «посмотрите» и виноватая улыбка еще раз убедили Месяцева в несоответствии чело- века и места. Стало немножко грустно.

Он купил билет в кино.

Шел американский боевик. Гангстеры и полицейские вели разборки, убивали друг друга равнодушно и виртуозно. Стрельнул, убил и пошел себе по своим делам. Жизнь ничего не стоит.

«Неужели и русские к этому придут? – с ужасом думал Месяцев. – Неужели демократия и преступность – два конца одной палки? Если личность свободна, она свободна для всего...»

Фильм кончился благополучно для главного героя. Американский хеппи-энд. В отличие от русского мазохизма. Русские обязательно должны уконтропупить своего героя, а потом над ним рыдать. Очищение через слезы.

Месяцев вышел из кинозала и увидел женщину.

– Я забрала у вас последний жетон? – виновато спросила она.

– Ничего страшного, – великодушно отреагировал Месяцев.

– Нет-нет, – отказалась она от великодушия. – Я не успокоюсь. Может быть, в буфете есть жетоны?

Они спустились в буфет, но он оказался закрыт.

– Здесь рядом есть торговая палатка, – вспомнила женщина. – Они торгуют до часа ночи.

– Да ладно, – отмахнулся Месяцев. – Это не срочно.

– Нет. Зачем же? – Она независимо посмотрела на Месяцева.

У нее были большие накрашенные глаза и большой накрашенный рот.

«Интересно, – подумал Месяцев, – как она целуется? Вытирает губы или прямо...»

Женщина повернулась и пошла к гардеробу. Месяцев покорно двинулся следом. Они взяли в гардеробе верхнюю одежду. Месяцев с удивлением заметил, что на ней была черная норковая шуба – точно такая же, как у жены. Тот же мех. Та же модель. Может быть, даже куплена в одном магазине. Но на женщине шуба сидела иначе, чем на жене. Женщина и шуба были созданы друг для друга. Она была молодая, лет тридцати, высокая, тянула на «вамп».

Вамп – не его тип. Ему нравились интеллигентные, тихие девочки из хороших семей. И если бы Месяцеву пришла охота влюбиться, он выбрал бы именно такую, без косметики, с чисто вымытым, даже шелушащимся лицом. Такие не лезут. Они покорно ждут. А «вампы» проявляют инициативу, напористы и агрессивны. Вот куда она его ведет? И зачем он за ней следует? Но впереди три пустых часа, таких же, как вчера и позавчера. Пусть будет что-то еще. В конце концов всегда можно остановиться, сказать себе: стоп!

Он легко шел за женщиной. Снег поскрипывал. Плыла луна. Она не надела шапки. Лучшее украшение – это летящие, промытые душистым шампунем, чистые волосы. Но на дворе – вечер, и декабрь, и ничего не видно.

Палатка оказалась открыта. В ней сидели двое: крашеная блондинка и чернявый парень, по виду азербайджанец. Девушка разместилась у него на коленях, и чувствовалось, что им обоим не до торговли.

– У вас есть жетоны? – спросила женщина.

– Сто рублей, – отозвалась продавщица.

– А в городе пятьдесят.

– Ну и езжайте в город.

– Бутылку «Адвокат» и на сдачу жетоны, – сказал Месяцев и протянул крупную купюру. Ради выгодной покупки продавщица поднялась и произвела все нужные операции.

Месяцев взял горсть жетонов и положил себе в карман. А вторую горсть протянул своей спутнице.

– Интересное дело... – растерялась она.

Месяцев молча ссыпал пластмассовые жетоны ей в карман. Неужели она думала, что Месяцев, взрослый мужчина, пианист с мировым именем, как последний крохобор шагает по снегу за своей пластмассовой монеткой?

– И это тоже вам. – Он протянул красивую бутылку.

Женщина стояла в нерешительности.

– А что я буду с ней делать? – спросила она.

– Выпейте.

– Где?

– Можно прямо здесь.

– Тогда вместе.

Месяцев отвинтил пробку. Они пригубили по глотку. Ликер был сладкий, как десерт. Стало весело. Как-то забыто, по-студенчески.

Медленно пошли по дорожке.

– Сделаем круг, – предложила женщина.

Моцион перед сном – дело полезное, но смущала ее открытая голова. Он снял с себя шарф и повязал ей на голову. В лунном свете не было видно краски на ресницах и на губах. Она была попроще и получше.

Месяцев сунул бутылку в карман.

– Прольется, – сказала женщина. – Давайте я понесу.

Первая половина декабря. Зима – молодая, красивая. Белые деревья замерли и слушают. Ничего похожего нет ни на Кубе, ни в Израиле. Там только солнце или дожди. И больше ничего.

– Давайте познакомимся, – сказала женщина. – Я Люля.

– Игорь Николаевич.

– Тогда Елена Геннадьевна.

Выскочили две дворняжки и побежали рядом с одинаково поднятыми хвостами. Хвосты покачивались как метрономы: раз-раз, раз-раз.

Елена Геннадьевна подняла бутылку и хлебнула. Протянула Месяцеву. Он тоже хлебнул.

Звезды мерцали, будто подмигивали. Воздух был холодный и чистый. Все вокруг то же самое, но под другим углом. Прежде размыто, а теперь явственно, наполнено смыслом и радостью, и если бы у Месяцева был хвост, он тоже качался бы, как метроном: раз-раз, раз-раз.

– Можно задать вам вопрос?

– Смотря какой.

– Нескромный.

– Можно.

– Вы когда целуетесь, вытираете помаду или прямо?

– А вы что, никогда не целовали женщину с крашеными губами?

– Никогда, – сознался Месяцев.

– Хотите попробовать? – спросила Елена Геннадьевна.

– Что попробовать? – не понял Месяцев.

Елена Геннадьевна не ответила. Взяла его лицо двумя руками и подвинула к своему. Решила провести практические занятия. Не рассказать, а показать. Его сердце сделало кульбит, как в цирке вокруг перекладки. Не удержалось, рухнуло, ухнуло и забилось внизу живота. Месяцев обнял ее, прижал, притиснул и погрузился в ее губы, ощущая солоноватый химический привкус, как кровь. И эта кровь заставляла его звереть.

– Не сейчас, – сказала Елена Геннадьевна.

Но Месяцев ничего не мог с собой поделать. Ее большие глаза были неразличимы.

– Люля, – сказал Месяцев хрипло, – ты меня извини. У меня так давно этого не было.

А если честно, то никогда. Ведь он никогда не целовал женщин с крашеными губами.

Месяцев стоял несчастный и растерянный.

– Идем ко мне, – так же хрипло сказала Люля. – Я тебе верю.

– К тебе – это далеко. Далеко.

Она легла прямо на снег. А он – прямо на нее. Она видела его искаженное лицо над собой. Закрыла глаза, чтобы не видеть. Потом сказала:

– Не кричи. Подумают, что убивают.

...Он лежал неподвижно, как будто умер. Потом спросил:

– Что?

– Встань, – попросила Люля. – Холодно.

Месяцев поднялся. Привел себя в порядок. Зачерпнул горсть чистого снега и умыл лицо.

В теле была непривычная легкость.

Он достал бутылку и сказал:

– Разлилось...

– На меня, – уточнила Люля. – На мою шубу.

– Плевать на шубу, – сказал Месяцев.

– Плевать на шубу, – повторила Люля.

Они обнялись и замерли.

«Боже мой! – подумал Месяцев. – А ведь есть люди, у которых это каждый день». Он жил без «этого». И ничего. Все уходило на другое. На исполнительскую деятельность. Но музыка – для всех. А ЭТО – для себя одного.

Собаки ждали. Месяцев пошел к корпусу. Люля – следом.

Вошли как чужие. Люля несла бутылку с ликером.

– Тут еще немного осталось, – сказала Люля.

– Нет-нет, – сухо отказался Месяцев.

Шуба была залита липким ликером. И это все, что осталось от большой страсти.

Люля повернулась и пошла.

Весь следующий день Месяцев не искал Елену Геннадьевну. Даже избегал. Он побаивался, что она захочет продолжить отношения. А какое может быть продолжение? Сын поступает в институт, дочь – невеста, Гюнтер вызванивает, Шопен ждет. А он под старость лет будет пристраиваться под елками, как собака Бобик.

Но Елена Геннадьевна не преследовала его, не искала встречи, что даже странно.

По вечерам Месяцев смотрел «Новости». Но его телевизор сломался, как назло. Пришлось спуститься в холл, где стоял большой цветной телевизор. Елена Геннадьевна сидела в уголке. На ней была просторная кофта цвета теплых сливок.

«Кто ей возит? – подумал Месяцев. – А кто возит моей жене?» Может быть, у Елены Геннадьевны тоже есть муж? А почему нет? Она молодая шикарная женщина. Она немножко сошла с ума и позволила себе на природе. Хотя, если быть справедливым, это ОН сошел с ума, а ей было легче уступить, чем урезонивать. А потом она выбросила воспоминания, как пустую бутылку. Вот и все. У Месяцева затосковало под ложечкой.

Диктор тем временем сообщал, что в штате Калифорния произошли беспорядки. Негры на что-то обиделись и побили белых. Довольно сильно обиделись и сильно побили. И получилось, что недостатки есть и в Америке, а не только у нас. Значит, никто никого не хуже.

Месяцев сидел за ее спиной. Волосы Люля подняла и закрепила большой нарядной заколкой. Была видна стройная шея, начало спины с просвечивающими позвонками. У ровесниц Месяцева, да и у него самого шея расширилась, осела и на стыке, на переходе в спину – холка, как у медведя. А тут – молодость, цветение и пофигизм – термин сына. Значит, все по фигу. Никаких проблем. Отдалась первому встречному – и забыла. Сидит себе, даже головы не повернет. Ей тридцать лет. Вся жизнь впереди. А Месяцеву почти пятьдесят. Двадцать лет до маразма. Зачем он ей?

Люля поднялась и ушла, как бы в подтверждение его мыслей.

Диктор тем временем сообщал курс доллара на последних торгах. Курс неизменно поднимался, но этот факт не имел никакого значения. Люля вышла. На том месте, где она сидела, образовалась пустота. Дыра. В эту дыру сквозило.

Месяцев вышел из холла. Делать было решительно нечего. Домой звонить не хотелось.

Месяцев спустился в зал. Сегодня кино не показывали. Зал был пуст.

Месяцев подвинул стул к роялю. Открыл крышку. Стал играть «Времена года» Чайковского.

«Ноябрь». Звуки, как вздохи. Месяцев чувствовал то же, что и Чайковский в минуты написания. А что? Очень может быть, Петру Ильичу было столько же лет.

Половина жизни. В сутках – это полдень. Еще живы краски утра, но уже слышен близкий вечер. Еще молод, но время утекает, и слышно, как оно шуршит. В мире существуют слова, числа, звуки. Но числа беспощадны. А звуки – обещают. Месяцев играл и все, все, все рассказывал про себя пустому залу. Ничего не скрывал.

Открылась дверь, и вошла Елена Геннадьевна. Тихо села на последний ряд. Стала слушать.

Месяцев играл для нее. Даже когда зал бывал полон, Месяцев выбирал одно лицо и играл для него. А здесь этот один, вернее, одна уже сидела. И не важно, что зал пуст. Он все равно полон. Месяцев играл как никогда и сам это понимал. Интересно, понимала ли она?..

Месяцев окончил «Ноябрь». Поставил точку. Положил руки на колени. Елена Геннадьевна не пошевелилась. Не захлопала. Значит, понимала. Просто ждала... Это было грамотное консерваторское восприятие.

«Баркарола». Он играл ее бесстрастно, как переводчик наговаривает синхронный текст. Не расцветчивал интонацией, не сообщал собственных переживаний. Только точность. Только Чайковский. Мелодия настолько гениальна, что не требовала ничего больше. Только бы донести. Все остальное – лишнее, как третий глаз на лице.

Еще одна пьеса. «Святки». Очень техничная. Техника – это сильная сторона пианиста Месяцева. Техника, сила и наполненность удара. Месяцев знал, что мог поразить. Но никогда не поражал специально. Музыка была для него чем-то большим, над человеческими страстями. Как вера.

Он сыграл последнюю музыкальную фразу. Подождал, пока в воздухе рассеется последний звук. Потом тихо опустил крышку. Встал.

Елена Геннадьевна осталась сидеть. Месяцев подошел к ней. Сел рядом. В ее глазах стояли слезы.

– Хотите кофе? – спросил Месяцев. – Можем пойти в бар.

– Нет, нет... Спасибо... – торопливо отказалась она.

– Тогда погуляем?

Они опять, как вчера, вышли на дорогу. Но и только. Только на дорогу. Луна снова сопровождала их. И еще привязались вчерашние собаки. Видимо, они были бездомны, а им хотелось хозяина.

Шли молча.

– Расскажите о себе, – попросил Месяцев.

– А нечего рассказывать.

– То есть как?

– Вот так. Все, что вы видите перед собой. И это все.

– Я вижу перед собой женщину – молодую, красивую и умную.

– Больную, жалкую и одинокую, – добавила Елена Геннадьевна.

– Вы замужем?

– Была. Мы разошлись.

– Давно?

– Во вторник.

– А сегодня что?

– Сегодня тоже вторник. Две недели назад.

– А чья это была инициатива?

– Какая разница?

– Все-таки разница. Это ваше решение или оно вам навязано?

– Инициатива, решение... – передразнила Елена Геннадьевна. – Просто я его бросила.

– Почему?

– Надоело.

– А подробнее?

– Что может быть подробнее? Надоело, и все.

В стороне от дороги виднелась вчерашняя палатка. Они прошли мимо. Вчерашняя жизнь не имела к сегодняшней никакого отношения. Месяцеву было странно даже представить, что он и эта женщина были вчера близки. У Месяцева застучало сердце. Он взял ее ладонь и приложил к своему сердцу. Они стояли и смотрели друг на друга. Его сердце толкалось в ее ладонь – гулко и редко. Она была такая красивая, как не бывает.

– Я теперь как эта собака, – сказала Люля. – Любой может поманить. И пнуть. И еще шубу испортила.

Он подвинул ее к себе за плечи и поцеловал в щеку. Щека была соленая.

– Не плачь, – сказал он. – Мы поправим твою шубу.

– Как?

– Очень просто: мыло, расческа и горячая вода. А на ночь – на батарею.

– Не скукожится? – спросила она.

– Можно попробовать. А если скукожится, я привезу тебе другую. Такую же.

Они торопливо пошли в корпус, как сообщники. Зашли в ее номер.

Люля сняла шубу. Месяцев пустил в ванной горячую воду. Он не знал, чем это кончится, поскольку никогда не занимался ни стиркой, ни чисткой. Все это делала жена. Но в данную минуту Месяцев испытывал подъем сил, как во время удачного концерта. В его лице и руках была веселая уверенность. Интуиция подсказала, что не следует делать струю слишком горячей и не следует оставлять мех надолго в воде. Он намылил ворсинки туалетным мылом, потом взял расческу и причесал, снова опустил в воду, и так несколько раз, пока ворсинки не стали легкими и самостоятельными. Потом он закатал край шубы в полотенце, промокнул насухо.

– У тебя есть фен? – Вдруг осенило, что мех – это волосы. А волосы сушат феном.

Люля достала фен. Он заревел, как вертолет на взлете, посылая горячий воздух. Ворсинки заметались и легли.

– Хватит, – сказала Люля. – Пусть остынет.

Выключили фен, повесили шубу на вешалку.

– Хотите чаю? – спросила Люля. – У меня есть кипяtilьник.

Она не стала дожидаться ответа. Налила воду в графин, сунула туда кипяtilьник. На ней были синие джинсы, точно повторяющие линии тела, все его углы и закоулки. Она легко садилась и вставала, и чувствовалось, что движение доставляет ей мышечную радость.

– А вы женаты? – спросила Люля.

– У меня есть знакомый грузин, – вспомнил Месяцев. – Когда его спрашивают: «Ты женат?» – он отвечает: «Немножко». Так вот я ОЧЕНЬ женат. Мы вместе тридцать лет.

– Это потому, что у вас есть дело. Когда у человека интересная работа, ему некогда заниматься глупостями: сходиться, расходиться...

– Может быть, – задумался Месяцев. – Но разве вы исключаете любовь в браке? Муж любит жену, а жена любит мужа.

– Если бы я исключала, я бы не развелась.

– А вам не страшно остаться одной, вне крепости?

– Страшно. Но кто не рискует, тот не выигрывает.

– А на что вы будете жить? У вас есть профессия?

– Я администратор.

– А где вы работаете?

– Работала. Сейчас ушла.

– Почему?

– Рыночная экономика требует новых законов. А их нет. Законы плавают. Работать невозможно. Надоело.

– Но у вас нет мужа, нет работы. Как вы собираетесь жить?

– Развлекать женатых мужчин на отдыхе.

– Вы сердитесь?

– Нет. Констатирую факт.

– Если хотите, я уйду.

– Уйдете, конечно. Только выпьете чай.

Она разлила кипяток по стаканам, опустила пакетики с земляничным чаем. Достала коробку с шоколадными конфетами. Конфеты были на морскую тему, имели форму раковин и рыб. Месяцев взял морского конька, надкусил, заглянул в середину.

Со дна стакана капали редкие капли. Люля развела колени, чтобы капало на пол, а не на ноги.

Месяцев поставил свой стакан на стол. Он, прочно женатый человек, развлекался во время отдыха с разведенной женщиной. Это имело разовый характер, как разовая посуда. Попользовался и выбросил. Но есть и другая правда. Он, не разрешавший себе ничего и никогда, вдруг оказался во власти бешеного желания, как взбесившийся бык, выпущенный весной

из сарая на изумрудный луг. И вся прошлая сексуальная жизнь – серая и тусклая, как сарай под дождем.

Месяцев опустился на пол, уткнулся лицом в ее колени.

– Раздень меня, – сказала Люля.

Он осторожно расстегнул ее кофту. Увидел обнаженную грудь. Ничего похожего он не видел никогда в своей жизни. Ее тело было сплошным, как будто сделанным из единого куска. Прикоснулся губами. Услышал запах сухого земляничного листа. Что это? Духи? Или так пахнет молодая, цветущая кожа?

Месяцеву не хотелось быть грубым, как тогда на снегу. Хотелось нежности, которая бы затопила его с головой. Он тонул в собственной нежности.

Люля поставила стакан с чаем на стол, чтобы не пролить ему на голову. Но Месяцев толкнул стол, и кипяток вылился ему на спину. Он очнулся, поднял лицо и бессмысленно посмотрел на Люлю. Ей стало смешно, она засмеялась, и этот смех разрушил нежность. Разрушил все. Месяцеву показалось – она смеется над ним и он в самом деле смешон.

Поднялся. Пошел в ванную. Увидел в зеркале свое лицо. И подумал: обжегся, дурак... Душу обожгло. И тело. И кожу. Он снял рубашку, повесил ее на батарею. Рядом на вешалке висела шуба.

Люля вошла, высокая и обнаженная.

– Обиделся? – спросила она и стала расстегивать на нем «молнию».

– Что ты делаешь? – смутился Месяцев.

Это было чувство, обратное боли. Блаженная пытка, которую нет сил перетерпеть. В нем нарастал крик. Месяцев зарыл лицо в шубу. Прикусил мех.

Потом он стоял, зажмурясь. Не хотелось двигаться. Она обняла его ноги. Ей тоже не хотелось двигаться. Было так тихо в мире... Выключились все звуки. И все слова. Бог приложил палец к губам и сказал: тсс-с-с...

Потом была ночь. Они спали друг возле друга, обнявшись, как два зверька в яме. Или как два существа, придавленные лавиной, когда не двинуть ни рукой, ни ногой, и непонятно: жив ты или нет.

Среди ночи проснулся оттого, что жив. Так жив, как никогда. Он обладал ею спокойно и уверенно, как своей невестой, которая еще не жена, но и не посторонняя.

Она была сонная, но постепенно просыпалась, включалась, двигалась так, чтобы ему было удобнее. Она думала только о нем, забыв о себе. И от этого самоотречения становилась еще больше собой. Самоотречение во имя наивысшего самовыражения. Как в музыке. Пианист растворяется в композиторе. Как в любви. Значит, любой творческий процесс одинаков.

Концерт был сыгран. А дальше что?

За Месяцевым приехала дочь. На ней была теплая черная шапочка, которая ей не шла. Можно сказать – уродовала. Съедала всю красоту.

Люля вышла проводить Месяцева. Ее путевка кончалась через неделю.

– Это моя дочь Анна Игоревна, – познакомил Месяцев. – Она некрасивая, но хороший человек.

– Это главное, – спокойно сказала Люля, как бы согласившись, что Аня некрасива. Не поймала шулки.

Аня была всегда красива, даже в этой уродливой шапке. Всем стало неловко, в особенности Ане.

– Счастливо оставаться, – пожелал Месяцев.

– Да-да... – согласилась Люля. – И вам всего хорошего.

Месяцев с пристрастием посмотрел на шубу. Она не скукожилась. Все было в порядке. Машина тронулась.

Обернувшись, он видел, как Люля уходит, и еще раз подумал о том, что шуба не пострадала. Все осталось без последствий.

Месяцев прошел в свой кабинет и включил автоответчик.

Звонили из студии звукозаписи. Просили позвонить. Тон нищенский. Платили копейки, так что работать приходилось практически бесплатно. Но Месяцев соглашался. Пусть все вокруг рушится и валится, а музыка должна устоять.

Звонили из Марселя. Предлагали турне по югу Франции.

На кухне сидела теща Лидия Георгиевна, перебирала гречку. Она жила в соседнем подъезде, была приходящая и уходящая. Близко, но не вместе, и это сохраняло отношения.

Готовила она плохо. Есть можно, и они ели. Но еда неизменно была невкусной. Должно быть, ее способности лежали где-то в другой плоскости. Теща – органически справедливый человек. Эта справедливость ощущалась людьми, и к ней приходили за советом. Она осталась без мужа в двадцать девять лет. Его затоптали во время похорон Сталина. Ушел и не вернулся. И ничего не осталось. Должно быть, затоптали и размазали по асфальту. Она старалась об этом не думать. Сейчас, в свои семьдесят лет, ей ничего не оставалось, как любить свою дочь, внуков, зятя. Игорь всегда ощущал ее молчаливую привязанность и сам тоже был привязан.

Месяцев стал делать необходимые звонки: своему помощнику Сергею, чтобы начинать оформление во Францию, дирижеру, чтобы согласовать время репетиций.

Привычная жизнь постепенно втягивала, и это было как возвращение на родину. Месяцев – человек действия. И отсутствие действия угнетало, как ностальгия. Ностальгия по себе.

Больница оказалась чистая. Полы вымыты с хлоркой, правда, линолеум кое-где оборван и мебель пора на помойку. Если присмотреться, бедность сквозила во всем, но это если присмотреться. Больные совершенно не походили на психов. Нормальные люди. Было вообще невозможно отделить больных от посетителей.

Месяцев успокоился. Он опасался, что попадет в заведение типа палаты номер шесть, где ходят Наполеоны и Навуходоносоры, а грубый санитар бьет их кулаком в ухо.

Алик вышел к ним в холл в спортивном костюме «Пума». Он был в замечательном настроении – легкий, расслабленный. Единственно – сильно расширены зрачки. От этого глаза казались черными.

– Ты устаешь? – спросил Месяцев.

– От чего? – весело удивился Алик.

– Тебя лечат? – догадался Месяцев.

– Чем-то лечат, – рассеянно сказал Алик, оборачиваясь на дверь. Он кого-то ждал.

– Зачем же лечить здорового человека? – забеспокоилась жена. – Надо поговорить с врачом.

В холл вошел Андрей, друг Алика.

Какое-то время все сидели молча, и Месяцев видел, что Алик тяготеет присутствием родителей. С ровесниками ему интереснее.

– Ладно. – Месяцев поднялся. – Мы пойдем. Надо еще с врачом поговорить...

Врача не оказалось на месте. А медсестра сидела на посту и работала. Что-то писала.

– Можно вас спросить? – деликатно отвлек ее Месяцев.

Медсестра подняла голову, холодно посмотрела.

– Вы не знаете, почему Алика перевели в общую палату?

– Ему принесли недозволенное. Он нуждается в контроле.

– Что вы имеете в виду? – удивился Месяцев.

– Спиртное. Наркотики.

– Вы что, с ума сошли? – вмешалась жена.

– Я? Нет. – Медсестра снова склонилась над своей работой.

Месяцев с женой вышли в коридор.

– Глупости, – возмутилась жена. – Они все выдумывают.

– Неизвестно, – мрачно предположил Месяцев.

– Что ты такое говоришь? – строго упрекнула жена.

– То, что слышишь. Ты и твоя мамаша сделали из него монстра.

Спустились в гардероб. В гардеробе продавали жетоны. При виде жетонов у Месяцева что-то защемило, затосковало в середине.

Он вдруг сообразил, что не взял домашний телефон Елены Геннадьевны. И свой не оставил. И значит, потерял ее навсегда. Фамилии ее он не знает. Места работы у нее нет. Остается надеяться, что она сама его найдет. Но это маловероятно.

– Надо терпеть, – сказала жена.

Надо терпеть разлуку с Люлей. Сына в сумасшедшем доме.

Как терпеть? Куда спрятаться?

В музыку. Куда же еще...

Ночью жена лежала рядом и ждала. Они так любили объединяться после разлук. Жена хотела прильнуть к его ненадоедающему телу – гладкому и шелковому, как у тюленя. Но не посмела приблизиться. От мужа что-то исходило, как биотоки против комаров. Жена преодолела отрицательные токи и все-таки прижалась к нему. Месяцев сжал челюсти. Его охватил мистический ужас, как будто родная мать прижалась к нему, ожидая физической близости. С одной стороны, родной человек, роднее не бывает. С другой – что-то биологически противоестественное.

– Что с тобой? – Жена подняла голову.

– Я забыл деньги, – сказал Месяцев первое, что пришло в голову.

– Где?

– В санатории.

– Много?

– Тысячу долларов.

– Много, – задумчиво сказала жена. – Может, позвонить?

– Вот этого и не надо делать. Если позвонить и сказать, где деньги, – придут и заберут.

И скажут – ничего не было. Надо поехать, и все.

– Верно, – согласилась жена.

– Смена начинается в восемь утра. Значит, в восемь придут убираться. Значит, надо успеть до восьми.

Месяцев никогда не врал. Не было необходимости. И сейчас он поражался, как складно у него все выходило.

Жена поверила, потому что привыкла верить. И поверила, что тысяча долларов отвлекает его от любви. Она отодвинулась на свое место. Они разошлись под разные одеяла.

Дом затих. В отдалении вздыхал и всхлипывал холодильник.

Месяцев встал в шесть утра. Машина отсырела за ночь. Пришлось вывинчивать свечи и сушить их на электрической плитке. Спать не хотелось. Никогда он не был так спокоен и ловок. Пианист в нем куда-то отодвинулся, выступил кто-то другой. Отец был не только гармонист. В трезвые периоды он ходил по домам, крыл крыши, клал печи. Отец был мастеровой человек. Может быть, в Месяцеве проснулся отцовский ген. Хотя при чем тут ген... Он соскучился. Жаждал всем существом. Хотелось вобрать ее всю в свои глаза, смотреть, вдыхать, облизывать горячим языком, как собака облизывает щенка, и проживать минуты, в которых все, все имеет значение. Каждая мелочь – не мелочь, а событие.

Машина завелась. Какое удовольствие ехать на рассвете по пустой Москве! Он никогда не выезжал так рано. Подумал: хорошо, что Люля разошлась. Иначе приходилось бы прятаться обоим: ей и ему. А так только он. Он – прятаться, а она – приспосабливаться. А вдруг она не захочет приспосабливаться... А вдруг он сейчас заявится, а там муж... Приехал мириться.

Зажегся красный свет. Месяцев затормозил. Потом зажегся желтый, зеленый, а он стоял. Как будто раздумывал: ехать дальше или вернуться... Это так логично, что муж приехал мириться. И она помирится, особенно после того, как Месяцев уехал с дочерью, пожелав счастливо оставаться. Оставайся и будь счастлива без меня. А я домой, к семье, к жене под бочок.

Муж – это материальная поддержка, положение в обществе, статус, может быть – отец ребенка. А что может дать Месяцев? То, что уже дал. А потом сел и уехал. И даже не спросил телефон.

«Если муж в номере, я сделаю вид, что перепутал, – решил Месяцев и тронул машину. – Скажу: «Можно Колю?» Он спросит: «Какого Колю?» Я скажу: «Ах, извините, я не туда попал...»

Месяцев подъехал к санаторию. Здание прорисовывалось в утренней мгле, как корабль.

Волнение ходило в нем волнами. Месяцев впервые подумал, что это слова одного корня. Волны поднимались к горлу, потом наступала знобкая пустота, значит, волны откатывались.

Месяцев подергал дверь в корпус. Дверь была заперта. Он позвонил. Стал ждать. Вышла заспанная дежурная, немолодая и хмурая.

Ей было под пятьдесят. Ровесница. Но женщина не играла больше в эти игры и осела, как весенний снег. А он – на винте. Того и гляди взлетит. Но и он оседет. К любому Дон Жуану приходит Командор по имени «старость».

Месяцев поздоровался и прошел. Дежурная ничего не спросила. Его невозможно было ни спросить, ни остановить.

Комната Елены Геннадьевны находилась на втором этаже. Невысоко. Но Месяцев стоял перед дверью и не мог справиться с дыханием. Осторожно повернул ручку, подергал. Дверь была заперта, что естественно. Месяцев стоял в нерешительности, не понимая – что делать дальше. Еще рано – нет и семи часов. Стучать – неудобно и опасно. Стоять перед дверью – тоже неудобно и нелепо. Остается ходить перед корпусом и ждать. Либо садиться в машину и возвращаться в семью, что самое правильное.

Дверь раскрылась – Елена Геннадьевна услышала, когда он поворачивал и дергал ручку. Она стояла сонная, в ночной пижаме и смотрела безо всякого выражения. Без краски она казалась моложе и проще, как старшеклассница. Люля не понимала, как Месяцев оказался перед ее дверью, если он вчера уехал. Она ни о чем не спрашивала. Ждала. Месяцев стоял молча, как перед расстрелом, когда уже ничего нельзя изменить.

Секунды протекали и капали в вечность. Месяцев успел заметить рисунок на ее пижаме: какие-то пляжные мотивы, пальмы. Может быть, человек перед расстрелом тоже успевает заметить птичку на ветке.

Люля сделала шаг в сторону, давая дорогу. Месяцев шагнул в номер. Люля закрыла за ним дверь и повернула ключ. Звук поворачиваемого затвора стал определяющим. Значит, они вместе. Они одни.

Говорить было необязательно, поскольку слова ничего не значили. Перед спуском лавины наступает особая тишина. Видимо, природа замирает перед тем, как совершить свою акцию. А может быть, задумывается. Сомневается: стоит ли? Потом решается: стоит. И вперед. И уже ничего не учитывается: люди, их жизни, их труд... Идет лавина. И обижаться не на кого. Никто не виноват...

...Потом они лежали и смотрели в потолок.

Через какое-то время напустили полную ванну воды и уселись друг против друга. Он вытащил из воды ее ступню и положил себе на лицо.

Сидели и отдыхали, наслаждаясь покоем, водной средой и присутствием друг друга.

– Я боюсь, – сказал вдруг Месяцев.

– Чего ты боишься?

– Себя. Тебя. Это все черт знает что! Это ненормально.

– Желать женщину и осуществлять свое желание – вполне нормально.

– Это не мешает моей музыке?

– Нет. Это мешает твоей жене.

– А как быть?

– Ты должен выбрать: что тебе важнее.

– Я уже ничего не могу...

Лавина не выбирает. Как пойдет, так и пойдет.

Вода постепенно остыла. Они тщательно вытерли друг друга. Перешли на кровать. И заснули. И спали до часу дня.

Потом проснулись и снова любили друг друга. Осторожно и нежно. Он боялся причинить ей вред и боль, он задыхался от нежности, нежность рвалась наружу, хотелось говорить слова. Но он боялся их произносить, потому что за слова надо потом отвечать. Он привык отвечать за свои слова. Но молчать не было сил. Повторял беспрестанно: Люля... Люля... Люля... Люля... Люля...

В три часа они оделись и пошли в столовую.

Обед был дорогой и невкусный, но они съели с аппетитом. Месяцеву нравилось, что они одеты. Одежда как бы устанавливала дистанцию, разводила на расстояние. А с расстояния лучше видно друг друга. Он знал все изгибы и тайны ее тела. Но ее души и разума он не знал совсем. Они как бы заново познакомились.

Логично узнать сначала душу, потом тело. Но ведь можно и наоборот. У тел – своя правда. Тела не врут.

Люля накрасила глаза и губы, по привычке. Косметика делала ее далекой, немножко высокомерной.

– У тебя есть дети?

– Дочь. Пятнадцати лет.

– А тебе сколько?

– Тридцать четыре.

Он посчитал, сколько ей было, когда она родила. Девятнадцать. Значит, забеременела в восемнадцать. А половую жизнь начала в шестнадцать. Если не в пятнадцать...

Ревность подступила к горлу, как тошнота.

– Это моя дочь от первого брака, – уточнила Люля.

– Сколько же у тебя было мужей?

– Два, – просто сказала Люля.

– Не много?

– Первый – студенческий. Дурацкий. А второй – сознательный.

– Что же ты ушла?

– Надоело. Мы ведь говорили.

– А любовники у тебя были?

– Естественно, – удивилась Люля.

– Почему «естественно»? Совсем не естественно. Вот у моей жены нет других интересов, кроме меня и детей.

– Если бы у меня был такой муж, как ты, я тоже не имела бы других интересов.

В груди Месяцева взмыла симфония «Ромео и Джульетта» Чайковского. Тема любви. Он был музыкант, и все лучшее в его жизни было связано со звуками.

Он не мог говорить. Сидел и слушал в себе симфонию. Она тоже молчала. Значит, слышала его. Понимала. Ловила его волны. Месяцев очнулся.

- А где твоя дочь сейчас?
- С матерью моего мужа.
- Ты не помиришься с мужем?
- Теперь нет.

Месяцев смотрел в стакан с компотом, чтобы не смотреть на Люлю. Логично было сказать: «Давай не будем расставаться». Но этого он не мог сказать. Ирина, Алик, Аня и теща. Да, и теща, и жених Ани – все они – планета. А Люля – другая планета. И эти планеты должны вращаться вокруг него, как вокруг Солнца. Не сталкиваясь. А если столкнутся – вселенская катастрофа. Конец мира. Апокалипсис.

- Я чего приехал... – пробормотал Месяцев. – Я не взял твой телефон.
- Я запишу своей рукой, – сказала Люля.

Она взяла его записную книжку, вынула из сумочки карандаш. Открыла на букву «Л» и записала крупными цифрами. Подчеркнула. Поставила восклицательный знак.

Шел пятый час. Месяцеву надо было уезжать. Ревность опять подняла голову, как змея.

– Нечего тебе здесь делать, – сказал он. – В номере воняет краской. Обед собачий. Ты одна, как сирота в интернате.

- А дома что? – спросила Люля. – Тут хоть готовить не надо.
- Я не могу без тебя, – сознался Месяцев.
- Ты делаешь мне предложение?
- Нет, – торопливо отрекся он.
- Тогда куда торопиться? Еще неделя, другая... Куда мы опаздываем?
- Я не могу без тебя, – повторил Месяцев.
- Я тебе позвоню, – пообещала Люля. – Дай мне твой телефон.
- Мне не надо звонить.
- Почему? – спросила Люля.
- Не принято.
- Понятно... – проговорила Люля. – Жена – священная корова.
- Похоже, – согласился Месяцев. – Я сам тебе позвоню. Давай договоримся.
- Договариваются о бизнесе. А здесь стихия. Ветер ведь не договаривается с поляной, когда он прилетит...

«Здесь не ветер с поляной. А лавина с горами», – подумал Месяцев, но ничего не сказал.

Люля стала какая-то чужая. Жесткая. И ему захотелось вынести себя за скобки. Пусть плавает по своей орбите. А он – по своей.

Месяцев возвращался в город. Он обманул по крайней мере троих: журналиста, помощника Сережу и старинного друга Льва Борисовича, к которому обещал зайти. Однако журналисты – люди привычные. Их в дверь – они в окно. Сережа получает у него зарплату. А старинный друг – на то и друг, чтобы понять и простить.

О том, что он обманывает жену, Месяцев как-то не подумал. Люля и Ирина – это две параллельные прямые, которые не пересекутся, сколько бы их ни продолжали. Два параллельных мира со своими законами.

Ветер, вспомнил Месяцев. Стихия. Врет все. Кому она звонила, когда просила жетон? И какое напряженное было у нее лицо... Что-то не получалось. С кем-то выясняла отношения. Конечно же с мужчиной... Поэтому и плакала, когда сидела в зале и слушала музыку. Поэтому и отдалась на снегу. Мстила. И сейчас наверняка звонит и задает вопросы.

Месяцев развернул машину и поехал обратно. Зачем? Непонятно. Что он мог ей предложить? Часть себя. Значит, и он тоже должен рассчитывать на часть. Не на целое. Сознанием он все понимал, но бессознательное развернуло его и гнало по Кольцевой дороге.

Месяцев подъехал к корпусу. Вышел из машины.

Дежурная сменилась. Была другая.

– Вам кого? – спросила она.

– Елену Геннадьевну.

– Как фамилия?

– Я не знаю, – сказал Месяцев.

– А в каком номере?

– Не помню. – Месяцев зрительно знал расположение ее номера.

– Куда – не знаете, к кому – не знаете. Мы так не пропускаем, – строго сказала дежурная.

Он не стал препираться, отошел от корпуса, отодвинул себя от хамства. Стоял на дороге, наклонив голову, как одинокий конь. Люля шла по знакомой дороге – высокая, прямая, в длинной шубе и маленькой спортивной шапочке, надвинутой на глаза. Она увидела его и не побежала. Спокойно подошла. Так же спокойно сказала:

– Я знала, что увижу тебя.

– Откуда ты знала? Я же уехал.

Люля молчала. Что можно было ответить на то, что он уехал и снова оказался на прежнем месте? Она как будто определила радиус, за который он не мог выскочить.

– Я не имею права тебя расспрашивать, – мрачно сказал Месяцев.

– Не расспрашивай, – согласилась Люля.

– Не обманывай меня. Я прощаю все, кроме лжи. Ложь меня убивает. Убивает все чувства. Я тебя умоляю...

Месяцев замолчал. Он боялся, что заплачет.

– Если хочешь, оставайся на ночь, – предложила Люля. – Уже темно. Утром поедешь.

– Не хочу я на ночь. Не нужны мне эти разовые радости. Я хочу играть, и чтобы ты слушала. Хочу летать по миру, и чтобы ты сидела рядом со мной в самолете и мы читали бы журналы. А потом селились бы в дорогих гостиницах и начинали утро с апельсинового сока...

Он бормотал и пьянел от своих слов.

– Ты делаешь мне предложение?

– Нет. Я просто говорю, что это было бы хорошо. Поедем со мной во Францию?

Люля стояла и раздумывала: может быть, выбирала между Францией и тем, кому она звонила.

– А куда именно? В Париж? – спросила она.

– Юг Франции. Марсель, Канн, Ницца...

Люля никак не реагировала. Почему он решил, что она примет его приглашение? Почему он так самоуверен?

Марсель оказался типичным портовым городом – красивый и шумный, отдаленно напоминающий Одессу.

Месяцев дал в нем четыре концерта.

После концерта подходили эмигранты. Ни одного счастливого лица. Принаряженные, но несчастливые. Пораженцы.

Подходили бывшие диссиденты. Но какой смысл сегодня в диссиде? Говори что хочешь. Гласность отбила у них хлеб.

Из Марселя переехали в Канн. Опустевший курорт. Город старичков. Точнее, город богатых старичков. Они всю жизнь трудились, копили. А теперь живут в свое удовольствие.

Люля смотрела на старух в седых букольниках и норковых накидках.

– Надо жить в молодости, – сказала Люля. – А в старости какая разница?

– Очень глупое замечание, – откомментировал Месяцев.

Люля не любила гулять. Ее совершенно не интересовала архитектура. Она смотрела только в витрины магазинов. Не пропускала ни одной. Продавщицы не отставали от Люли, целовали кончики своих пальцев, сложенных в щепотку, а потом распускали эти пальцы в воображаемый цветок. Люля и в самом деле выходила из примерочной сногшибательной красоты и прелести. Казалось, костюм находил свою единственно возможную модель. Обидно было не купить. И они покупали. Месяцев покупал по кредитной карте и даже не понял, сколько потратил. Много.

Вся поездка по югу Франции превратилась в одно сплошное нескончаемое ожидание. Люля постоянно звонила в Москву и заходила в каждый автомат на улице. А он ждал. Говорила она недолго, и ждать – нетрудно, но он мучился, потому что за стеклянной дверью автомата протекала ее собственная жизнь, скрытая от него.

Однажды он воспользовался ее отсутствием и сам позвонил домой. Подошла дочь.

– Ты меня не встречай, – предупредил Месяцев. – За мной пришлют машину.

– Я все равно приеду.

– Но зачем?

– Я увижу тебя на два часа раньше.

– Но зачем тебе мотаться, уставать?

– Это решаю я.

Аня положила трубку. Зачем еще кто-то, когда дома все так прочно?

Месяцев вышел из автомата.

– Куда ты звонил? – спросила Люля.

– Своему агенту, – соврал Месяцев.

Он мог бы сказать и правду. Но у них с Люлей общие только десять дней. А потом они разойдутся по своим параллельным прямым. Это случится неизбежно. И пусть хотя бы эти десять дней – общие.

– Ты о чем думаешь? – Люля пытливо заглядывала, приближая свое лицо. От ее лица веяло теплом и земляничным листом.

– Так, вообще... – уклонялся он.

Он готов был тратить, врать, только бы видеть близко это лицо с высокими бровями.

Каждый вечер после концерта они возвращались в гостиницу, ложились вместе и обхватывали друг друга так, будто боялись, что их растащат. Обходились без излишеств, без криков и прочего звукового оформления. Это было не нужно. Все это было нужно в начале знакомства, как дополнительный свет в темном помещении. А здесь и так светло. Внутренний свет.

Последние три концерта – в Ницце. Равель, Чайковский. Месяцев был на винте. Даже налогоплательщики что-то почувствовали. Хлопали непривычно долго. Не отпускали со сцены.

После концерта их пригласила в гости внучка декабриста. Собралось русское дворянство. Люля и Игорь смотрели во все глаза: вот где сохранились осколки нации. Сидели за столом, общались. Месяцеву казалось, что он в салоне мадам Шерер из «Войны и мира».

Месяцев тихо любовался Люлей. Она умела есть, умела слушать, говорить по-английски, она умела любить, сорить его деньгами. Она умела все.

В последнюю ночь Люля была грустна. И ласки их были особенно глубокими и пронзительными. Никогда они не были так близки. Но их счастье – как стакан на голове у фокусника. Вода не шелохнется. Однако все так неустойчиво...

Дочь и Люля были знакомы. Сажать Люлю в их машину – значило все открыть и взять дочь в сообщницы. Об этом не могло быть и речи.

Пришлось проститься прямо в аэропорту. По ту сторону границы.

– Возьми деньги на такси. – Месяцев протянул Люле пятьдесят долларов.

– Не надо, – сухо отказалась Люля. – У меня есть.

Это был скандал. Это был разрыв.

– Пойми... – начал Месяцев.

– Я понимаю, – перебила Люля и протянула пограничнику паспорт.

Пограничник рассматривал паспорт преувеличенно долго, сверяя копию с оригиналом. Видимо, Люля ему нравилась и ему хотелось подольше на нее посмотреть.

Дочь встречала вместе с женихом Юрой. Месяцева это устроило. Не хотелось разговаривать.

– Что с тобой? – спросила Аня.

– Простудился, – ответил Месяцев.

Смеркалось. Елозили машины, сновали люди, таксисты предлагали услуги, сдирали три шкуры. К ним опасно было садиться. Над аэропортом веял какой-то особый валютно-алчный криминальный дух. И в этом сумеречном месиве он увидел Люлю. Она везла за собой чемодан на колесиках. Чемодан был неустойчив. Падал. Она поднимала его и снова везла.

На этот раз все подарки умещались в одной дорожной сумке. Месяцеву удалось во время очередного ожидания заскочить в обувной магазин и купить шесть пар домашних туфель и шесть пар кроссовок. Магазин был фирменный, дорогой, и обувь дорогая. Но это все. И тайком. Он выбросил коробки и ссыпал все в большую дорожную сумку, чтобы Люля не догадалась. Он скрывал от Люли свою заботу о домашних. Скрывал, а значит, врал. Он врал тут и там. И вдруг заметил, как легко и виртуозно у него это получается. Так, будто делал это всю жизнь.

Месяцев вытряхнул в прихожей обувь, получился невысокий холм.

Все с воодушевлением стали рыться в обувной куче, отыскивая свой размер. Месяцев ушел в спальню и набрал номер Люли.

– Да, – хрипло сказала она.

Месяцев молчал. Люля узнала молчание и положила трубку. Месяцев набрал еще раз. Трубку не снимали.

Можно было бы по-быстрому что-нибудь наврать, например – срочно отвезти кому-то документы... Приехать к Люле, заткнуть рот поцелуями, забросать словами. Но что это даст? Еще одну близость. Пусть даже еще десять близостей. Она все равно уйдет. Женщина тяготеет к порядку, а он навязывает ей хаос и погружает в грех. Он эксплуатирует ее молодость и терпение. Это не может длиться. Это должно кончиться. И кончилось.

Жена погасила свет и стала раздеваться. Она всегда раздевалась при потушенном свете. А Люля раздевалась при полной иллюминации, и все остальное тоже... Она говорила: но ведь ЭТО очень красиво. Разве можно этого стесняться? И не стеснялась. И это действительно было красиво.

Месяцев лежал – одинокий, как труп. От него веяло холодом.

– Что с тобой? – спросила жена.

– Тебе сказать правду или соврать?

– Правду, – не думая, сказала жена.

– А может быть, не стоит? – предупредил он.

Месяцев потом часто возвращался в эту точку своей жизни. Сказала бы «не стоит», и все бы обошлось. Но жена сказала:

– Я жду.

Месяцев молчал. Сомневался. Жена напряженно ждала и тем самым подталкивала.

- Я изменил тебе с другой женщиной.
- Зачем? – удивилась Ирина.
- Захотелось.
- Это ужасно! – сказала Ирина. – Как тебе не стыдно!

Месяцев молчал.

Ирина ждала, что муж покается, попросит прощения, но он лежал как истукан.

- Почему ты молчишь?
- А что я должен сказать?
- Что ты больше не будешь.

Это была первая измена в ее жизни и первая разборка, поэтому Ирина не знала, какие для этого полагаются слова.

- Скажи, что ты больше не будешь.
- Буду.
- А я?
- И ты.
- Нет. Кто-то один... одна. Ты должен ее бросить.
- Это невозможно. Я не могу.
- Почему?
- Не могу, и все.
- Значит, ты будешь лежать рядом со мной и думать о ней?
- Значит, так.
- Ты издеваешься... Ты шутишь, да?

В этом месте надо было сказать: «Я шучу. Я тебя разыграл». И все бы обошлось. Но он сказал:

- Я не шучу. Я влюблен. И я сам не знаю, что мне делать.
- Убирайся вон...
- Куда?
- Куда угодно. К ней... К той...
- А можно? – не поверил Месяцев.
- Убирайся, убирайся...

Ирина обняла себя руками крест-накрест и стала качаться. Горе качало ее из стороны в сторону. Месяцев не мог этого видеть. Он понимал, что должен что-то предпринять. Что-то сказать. Но имело смысл сказать только одно: «Я пошутил, давай спать». Или: «Я виноват, это не повторится». Она бы поверила или нет, но это дало бы ей возможность выбора. Месяцев молчал и тем самым лишал ее выбора.

- Убирайся, убирайся, – повторяла она, как будто в ней что-то сломалось, замкнуло.

Месяцев встал, начал торопливо одеваться. Чемодан стоял неразобранный. Его не надо было собирать. Можно просто взять и уйти.

- Ты успокоишься, и мы поговорим.

Жена перестала раскачиваться. Смотрела прямо.

– Нам не о чем говорить, – жестко сказала она. – Ты умер. Я скажу Алику, что ты разбился на машине. Нет. Что твоя машина упала с моста и утонула в реке. Нет. Что твой самолет потерпел катастрофу над океаном. Лучше бы так и было.

Месяцев оторопел.

- А сам по себе я разве не существую? Я только часть твоей жизни? И все?
- Если ты не существуешь в моей жизни, тебя не должно быть вообще. Нигде.
- Разве ты не любишь меня?
- Мы были как одно целое. Как яблоко. Но если у яблока загнивает один бок, его надо отрезать. Иначе сгниет целиком. Убирайся...

Ему в самом деле захотелось убраться от ее слов. В комнату как будто влетела шаровая молния, было невозможно оставаться в этом бесовском, нечеловеческом напряжении.

Месяцев выбрался в прихожую. Стал зашнуровывать ботинки, поставив ногу на галошницу. Правый ботинок. Потом левый. Потом надел пальто. Это были исторические минуты.

История есть у государства. Но есть и у каждой жизни. Месяцев взял чемодан и открыл дверь. Потом он ее закрыл и услышал, как щелкнул замок. Этот щелчок, как залп «Авроры», знаменовал новую эру.

Ирина осталась в обнимку с шаровой молнией, которая выжигала ей грудь. А Месяцев сел в машину и поехал по ночной Москве. Что он чувствовал? Все! Ужас, немоту, сострадание, страх. Но он ничего не мог поделать. Что можно поделать со стихийным бедствием?

Месяцев позвонил в ее дверь. Люля открыла, не зажигая света. Месяцев стоял перед ней с чемоданом.

– Все! – сказал он и поставил чемодан.

Она смотрела на него, не двигаясь. Большие глаза темнели, как кратеры на Луне.

Утром Алик лежал на своей койке и слушал через наушники тяжелый рок. Музыка плескалась в уши громко, молодо, нагло, напористо. Можно было не замечать того, что вокруг. Отец в роке ничего не понимает, говорит: китайская музыка. Алик считал, что китайская музыка – это Равель. Абсолютная пентатоника. В гамме пять звуков вместо семи.

В двенадцать часов пришел лечащий врач Тимофеев, рукава закатаны до локтей, руки поросли золотой шерстью. Но красивый вообще. Славянский тип.

А рядом с ним заведующий отделением, азербайджанец со сложным мусульманским именем. Алик не мог запомнить, мысленно называл его «Абдулла».

Абдулла задавал вопросы. Мелькали слова: ВПЭК, дезаптация, конфронтация. Алик уже знал: ВПЭК – это военно-психиатрическая экспертиза. Конфронтация – от слова «фронт». Значит, Алик находится в состоянии войны с окружением. Никому не верит. Ищет врагов.

А кому верить? Сначала дали отдельную палату. Приходил Андрей – они немножко курили, немножко пили, балдели. Слушали музыку, уплывали, закрыв глаза. Кому это мешало? Нет, перевели в общую палату. Рядом старик, все время чешется. Это называется старческий зуд. Попробуй поживи на расстоянии метра от человека, который все время себя скребет и смотрит под ногти. Алик в глубине души считал, что старики должны самоустраняться, как в Японии. Дожил до шестидесяти лет – и на гору Нараяма. Птицы растащут. Когда Алик смотрит на старых, он не верит, что они когда-то были молодые. Казалось, так и возникли, в таком вот виде. И себя не может представить стариком. Он всегда будет такой, как сейчас: с легким телом, бездной энергии и потребностью к абсолюту.

Напротив Алика – псих среднего возраста, объятый идеей спасения человечества. Для этого нужно, чтобы каждый отдельно взятый человек бегал по утрам и был влюблен. Движение и позитивное чувство – вот что спасет мир. В отсутствии любви – время не движется, картинки вокруг бесцветны, дух угнетен. Душевная гиподинамия.

А вот если побежать... А вот если влюбиться...

Алику нравилось заниматься сексом в экстремальных ситуациях. Например, на перемене, когда все вышли из класса. Прижать девчонку к стенке – и на острие ножа: войдут – не войдут, застанут – не застанут, успеешь – не успеешь... Страх усиливает ощущение. А однажды на дне рождения вывел именинницу на балкон, перегнул через перила. Одиннадцатый этаж. Под ногами весь город. Перила железные, но черт его знает... Девчонка сначала очоленела от ужаса. Потом ничего... Не пожаловалась. Сидела за столом, поглядывала, как княжна Мэри. А что дальше? А ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.